

В л а д и м и р С а л м о н

Н Е Т З И М Е !

• • •

Как быстро менялся пейзаж,
и город в пейзаже менялся,
тот город, что прежде был наш,
теперь нам своим не казался.

Витринным стеклом отражен,
он темен, как тень за спиною,
которую ты обречен
повсюду влачить за собою.

Как горб на плечах горбуна,
что давит его непрестанно,
как вставшая дыбом волна
бушующего океана.

Нахлынет. Сломает. Сметет.
По улицам, по переулкам
потоком тебя понесет —
ущельем глубоким и гулким.

Я вижу, как все напряглись.
Мальчишки, разносчики пиццы,
и те с криком: «Поберегись!» —
шныряют меж нами, как птицы.

• • •

День был теплый, но не слишком.
К вечеру похолодало.
Пахло чесноком, винишком,
шум был слышен из подвала.

Из кафешки полутемной.
Три стола на ножках шатких.
Стульев дюжина. Бетонный
пол в каких-то пятнах гадких.

Словно мучали несчастных
тут кромешными ночами,
невиновных, непричастных
палачихи с палачами.

Сев на стульчике у двери,
выпил рюмку со значением,
медный лоб, согласно вере,
крестным осенив знаменьем,

я за сирых и убогих,
за теснимых и гонимых.
Беспризорных. Одиноких.
Больно родиной ранимых.

• • •

Так в день посещения в палате
больничной толпится народ
вокруг старика, что в кровати
тихонько концы отдает.

Мой дом нынче полон гостями.
За окнами холод и тьма.
Бог весть, как тропа между нами
быльем еще не заросла.

Но, верно, крепки наши связи —
приходят, являются вдруг
домой ко мне, как восвояси.
Вновь тесен наш дружеский круг.

Без слез, без речей заунывных,
присаживаясь на кровать,
не станут вопросов наивных —
что делать? как быть? — задавать.

Поскольку на эти вопросы
ответов нет ни у кого.
Поскольку мы только матросы
на зыбком челне у Него.

• • •

Мерзнут ноги, стынут руки,
и в ушах еще звенят
колокольцы зимней вьюги,
отшумевшей час назад.

Но не нужно быть пророком,
чтоб увидеть свет во тьме,
в небе хмуром за порогом,
чтоб понять — конец зиме.

Нет зиме! — звучит крамольно,
словно фраза «Нет войне!»,
что срывается невольно
с языка в моей стране.

• • •

Тому, ей-богу, не до смеху,
кто равновесье потерял,
лицом проехался по снегу,
что, как точильный камень, стал.

Лежит, как в том стихотворенье,
где паренек на финском льду,
сраженный пулей, без движенья
лежал в сороковом году.

Теперь — в иное лихолетье —
не дам герою своему
в стихотворенье умереть я,
его со льда я подниму.

Легко мальчишечку в охапку
сгребу — еще хватает сил,
снег отряхну, надвину шапку,
чтоб на ветру он не простыл.

• • •

С оглядкой жить, любить с оглядкой,
прислушиваться неизменно,
что брякнет, ставши депутаткой,
княгиня Марья Алексевна?

Весной отсутствие свободы
особенно невыносимо,
ведь человек — дитя природы,
а не тюремного режима.

И я, родившийся в апреле,
когда ручьи под снегом черным,

пробившие во тьме тоннели,
бегут, подобно рекам горным,

смывая грязь, сметая мусор,
я быть покорным не желаю,
я не хочу казаться трусом,
дрожать в тени, держаться с краю.

Отмалчиваться — невозможно.
Отсиживаться — неприлично.
Живу, люблю — неосторожно,
несдержанно и непрактично.

• • •

Солнца луч, как зуб молочный,
будучи остер, колюч,
на закате — в неурочный
час прорезался меж туч.

О Прощеном воскресенье
я забыл за суетой.
Солнца лучик без сомненья —
знак мне верный, не пустой.

Сына, внука и невестку —
всех простил,
прощаю я
ветер, рвущий занавеску.
Снег с дождем. И без дождя.

Я прощаю всем на свете.
Но себя я не прощу,
так как я за все в ответе.
Не забуду! Не спущу!

•••

Дорогу нам перебежала
на курьих ножках пташка божья,
она мелькнула и пропала
в сухой траве средь бездорожья.

Пичужка с маленькой косичкой
проворна необыкновенно —
как будто кто-то чиркнул спичкой,
и пламя схлопнулось мгновенно.

Казалось, солнца луч сквозь тучи
пробился, чтобы мы успели
пичужку рассмотреть получше,
и вдруг погас, достигнув цели.

Что это было — просветленье
чудесное среди ненастья?
Так скоротечно вдохновенье.
Пора любви. Минута счастья.

